

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

С. П. ТОЛСТОВ

ОГУЗЫ, ПЕЧЕНЕГИ, МОРЕ ДАУКАРА

(Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья)

В этой местности, близ Оксийских гор, живут *пасики* (Πασίχι), в северном отрезке Яксарта — *ятии* (Ίάτιοι) и *тахоры* (Τάχοροι), ниже их — *аугалы* (Αὐγαλοί)

Птолемей, VI, 12, 4.

I. Аугассии — огузы

Среди народов «северного отрезка Яксарта» в своем описании Согдианы Птолемей (VI, 12, 4) упоминает народность *аугалов* (Αὐγαλοί). Это написание давно и основательно подверглось детальной исторической критике. Дело в том, что тогда как в исторических источниках мы встречаем эту форму только один раз,¹ в других источниках, в сходных контекстах упоминаются имена Αττασίοι (Страбон, XI, 513) и Αὐγάσσιοι (Стефан Византийский). А. Германн² считает все три формы восходящими через графические искажения к одной, а Маркварт основательно видит эту последнюю именно в форме Αὐγάσσιοι, которая легко могла дать остальные начертания при затруднительности выведения из каждого из остальных — других двух. В самом деле γ — легко могли быть в скорописном воспроизведении приняты за ττ, а две сигмы — за λ.

Отождествление *аугассии* → *аугалы* принимает и Тарн³. Словом, сейчас, пожалуй, можно считать эту идентификацию общепринятой.

Локализация *аугассиев* у Птолемея довольно определена. Он помещает их ниже ятиев и тахоров (см. эпиграф). В данном случае нет сомнения в том, что ниже надо понимать в современном смысле, т. е. ниже по течению Яксарта, другими словами — у самого его устья, так как ятии, давно отождествленные с асиями — асианами — усунями⁴, выходили западной окраиной своего расселения на среднее течение Сыр-Дарьи, ниже Ташкента, а тохары занимали Куван-Дарью и, вероятно, смежный участок Сыр-Дарьи⁵. Именно здесь, в дельте

¹ «Эглы» (Αἰγλοί) Геродота (III, 92) — народность, обитавшая в конце VI в. до н. э. в пределах Бактрийской (XII) сатрапии, сюда явно отношения не имеет.

² PW, XXVIII, стр. 2127.

³ «The Greeks in Bactria and India», стр. 80—81.

⁴ Ятии ~ асианы ~ усунь см.: Дегинь, Mémoires de l'Académie des Inscri., XXV, стр. 28; Григорьев, О скифском народе саках, стр. 139—140; Бернштам, К вопросу об усунь || кушан и тохарах, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 43.

⁵ См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 137.

Сыр-Дарьи, в IX—X вв. лежал основной центр политического объединения сыр-дарьинских *огузов*⁶.

Нам уже пришлось однажды обосновать положение, что здесь, а не в далекой Монголии нужно искать первоначальную локализацию этого имени (а соответственно и народности), занесенного на восток с экспансией эфталитов в начале VI в. н. э., в состав которых в качестве существенного элемента входили и сыр-дарьинские прото-огузские племена⁷.

Таким образом, во II в. н. э. в древней дельте Сыр-Дарьи локализируются *аугасии*, а по меньшей мере к VI в. мы должны относить наличие здесь носителей имени *огузов*.

Я думаю, это дает нам право на сопоставление обоих имен. Форма *аугасии* обнаруживает явно значительно больший архаизм — сохранение начального дифтонга *ai*, стянутого в *o* в позднейшем имени (под влиянием прогрессивной ассимиляции лабиализация *a* → *u*). *as* — как в имени *массагетов* — несомненно передает одну из разновидностей *z*⁸. Закономерность параллелизма *auγaz* → *oγuz* мне представляется безупречной.

Таким образом получившее впоследствии широкое распространение и собирательное значение этническое имя *огуз* восходит первоначально к имени *массагетского* племени,⁹ сидевшего в локальной области Нижней Сыр-Дарьи — на восточном берегу Арала.

Этимология этого имени представляется достаточно прозрачной. В тюркских языках это слово в смягченной форме — *ögüz*, *öküz* — имеет два нарицательных значения: «река»¹⁰ и «бык». Связь здесь вряд ли случайна. Эта ассоциация ярко выступает в древнеиранской топонимике Средней Азии — ср. *Гау* (ср. *гау* — «бык»), название одного из главных каналов древнего Согда и связанной с ним области, *Гау-хорэ* — «пища быка» — главный канал правобережного Хорезма. Наконец, ср. исследованный К. В. Тревер мифологический образ *Гавомарда*, «Человеко-быка» — Покровителя вод¹¹. Надо думать, что исходным является значение «река» (герс. «вода») и семантическая ассоциация имен осуществляется через табуацию имени тотема. Если так, то нельзя не вспомнить древнее имя *Аму-Дарьи* — *Оксос*, осложненное греческим аффиксом местное слово *окс* ~ *окус*, видимо сохранившееся в акающей форме в *Акс* (*Αξης*) у Геродота (не знающего, как известно, имени *Оксос*).

Мы уже отмечали, что в языке тюркского населения Средней Азии *Окуз* как собственное имя *Аму-Дарьи* сохраняется по меньшей мере до XVII в.¹² и, таким образом, древнейшей зарегистрированной формой позднейшего тюркского *öküz* — «река» является имя *Окса*. Я склонен видеть в этом, вымирающем и, в сущности, уже вымершем в тюркских языках, слове — остаток *массагетской* речи, след *массагетских* племен, активно участвовавших в этногенезе среднеазиатских тюркских народов, откуда и название реки, текущей в середине территории *массагетов*.

Таким образом, в основе имени *аугасиев* надо видеть *массагетское* слово со значением «река», может быть «море», герс. «речные», может быть «приморские». Имя оказывается, следовательно, семантически тождественным с именем *апасиаков* — «речных», может быть

⁶ С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947, № 3.

⁷ Там же, стр. 82, прим. 93.

⁸ Ср. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 241.

⁹ О принадлежности *аугасиев* к *массагетской* конфедерации см. там же, стр. 244.

¹⁰ См. МК I, 58, 327, 414 и др.

¹¹ К. В. Тревер, Гопатшах — пастух-царь, ТОВЭ, II, 1940, стр. 71 сл.

¹² С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, ПИДО, 1935, № 9—10.

«приморских» саков, только исходящим из отличной языковой среды: в первом случае — из массагетской, во втором, видимо, из сакской.

II. Апасиаки (пасианы) — печенеги

Локализация апасиаков сейчас уточнена нами. Они сидели между IV в. до н. э. (повествуя о событиях которого, Страбон дает наиболее адекватное вероятному произношению написание их имен, Арриан же именует их «скифами абиями») и первыми веками до и после н. э. (когда их знают под разными именами Полибий, тот же Страбон, Помпоний Мела, Птолемей, Стефан Византийский), на территории северо-западных и северо-восточных краин дельты Аму-Дарьи, где наиболее достоверными памятниками их культуры являются на западе античные слои городищ Дэв-кескен и Шах-сенем, а на востоке — городище Чирик-рабат и окружающий его комплекс развалин¹³.

Это имя, реконструируемое с учетом установленных особенностей греко-латинской транскрипции среднеазиатских «варварских» имен, как *apa-s'aka* «водные саки» (Ἀπασιᾶχοι Страбона, XI, 513, и Полибия, X, 48) для времени IV—II вв. до н. э., дает для первых веков нашей эры группу начертаний, демонстрирующих пережитое за прошедшее время сильное изменение произношения этого имени, свидетельствующее о забвении первоначальной семантики этого слова: Paesicae, Pestici Помпония Мелы, III, 39, 42, *Пасиаки*: Птолемея, VI, 12, 4, *Πασιανοι* Страбона, XI, 8, 3.

С восприятием имени апасиаков, как собственного этнического имени, лишенного уже нарицательного значения, начальное *a*, а затем конечное *ka* — в обоих случаях корневые — начинают восприниматься как аффиксы, и имя переживает эволюцию, свойственную и другим этническим именам этой области (ср. Amurdoi — mardī). В соответствии с этим, вероятно, первоначально отбрасывается начальное *a*, а затем воспринимаемое, видимо, как аффикс единичности — *ka* (или поствокальное *k*), заменяемое закономерно древним и широко распространенным аффиксом этнических, генонимических и патронимических терминов — *an* (ср. аналогичный процесс в Asii → Asiani (āsūn — усунь). Таким образом, создается зарегистрированная Страбоном форма *Πασιανοι*, с учетом смягчения *a* → *ā*, отмеченным в транскрипции Помпония Мелы (*'a* → *ae* и даже *e*), несомненно звучавшая как *pās'āna* (← [a]pās[akā] → *ana*). Эта форма оказывается практически тождественной наиболее ранней из зарегистрированных форм имени печенегов, до сих пор не поддавшегося историческому истолкованию, а именно в арабском начертании *بجند* — *bāḡanā*, в произношении, несомненно, *pācānā*; приводимую Масуди при описании событий в Приаралье, относящихся к IX в. н. э.¹⁴ С учетом характерного для тюркских языков как раз Приаралья чередования *č* || *š*, мы видим здесь вероятность наличия параллельной формы *pā'āna*, тождественной с поздним произношением имени апасиаков — *pās'āna*. Таким образом, полностью восстанавливается ряд: (первые века до н. э.) *apa-s'aka* (Ἀπασιᾶχοι) → (первые века н. э.) *pās'ākā* (Πασιαχοι ~ Paesicae) → *pās'ānā* → (Πασιανοι) → (раннее средневековье) *pās'āna* || *pācānā* (بجند) → *pācānā* + *k* (بجندک) → печенѣгъ.

Локализация древних поселений печенегов в IX—X вв. в Приаралье — Ибн-Русте и Ибн-Фадлан помещают их в районе Устюрта, а Масуди рассказывает об их борьбе с огузами и маджарами в низовьях Сыр-дарьи, — по существу полностью совпадающая с локализацией

¹³ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 99.

¹⁴ Maqrart, Komapan, стр. 26; Streifzüge, стр. 60 сл.; Толстов, Города Средней Азии, стр. 77.

апасиаков античными авторами, подкрепляемой археологическими данными, делает установленную связь бесспорной: в имени печенегов сохранились следы исторической преемственности этой раннесредневековой приаральской народности, впоследствии игравшей столь существенную роль в истории степей Восточной Европы и явившейся важнейшим этническим компонентом кара-калпаков, с древней народностью апасиаков — «водных саков» — того же Приаралья, тесно исторически связанной с другим «водным» народом — аугасидами, — так же, как огузы и печенеги были связаны в раннем средневековье.

III. Даукара — тохары (тахоры)

Открытие памятников джеты-асарской культуры, давшее возможность точно локализовать область поселений сыр-дарьинских тохаров (тахоры Птолемея), позволило вместе с тем установить древние корни этой народности, несомненно представлявшей крайнее восточное звено фрако-киммерийских племен северного Причерноморья¹⁵. Это делает бесспорным отождествление *тахоров* Птолемея с народностью, локализуемой античными авторами в том же восточном Приаралье, на нижнем Яксарте, при описании событий IV—III вв. до н. э. — именно с *дахами* или *даями* (*Dahaе, Дахи*), впервые упоминаемыми, впрочем без локализации, в одной из надписей Ксеркса (перс. *daha*, элам. *da'an*)¹⁶. Таким образом, решается старый спор о происхождении китайского названия Бактрии — Тохаристана — *Дахя* 大頁 в пользу (с существенными оговорками) гипотезы Маркварта¹⁷, поддержанной рядом исследователей¹⁸, и против крайне надуманных и исторически невероятных конструкций Миннза,¹⁹ Герцфельда²⁰, Франке²¹, Галуна²² и Тарна²³.

Чжан-цзянь знает Бактрию уже под новым ее названием, принесенным за два десятилетия до этого сыр-дарьинскими завоевателями — *дахами* ~ *тохарами*, тем из массагетских племен, которое захватило эту центральную часть греко-бактрийских владений. Никакой нужды предполагать здесь две волны завоевания, как думает Маркварт и его последователи, — нет. Оба названия — лишь варианты одного имени, в разном этническом произношении. Первая форма — *daha*, видимо, бытовала не в тохарской, а в согдиско-бактрийской среде, вторая — *tāxor* — в более, вероятно, аутентичной передаче Птолемея — в сущности то же имя, осложненное тохарским суффиксом образования прилагательных *-ār*²⁴ и явно имеющее в основе самоназвание тохар II в. до н. э.

Как известно, одним из камней преткновения на пути исследователей «тохарской проблемы» являлось отсутствие придыхательных звуков типа *χ* в тохарском (кучарско-харашарском) языке и наличие его в самом имени тохар. Один из последних, писавших на эту тему,

¹⁵ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации», стр. 123—140, то же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1948 г., «Изв. АН СССР. Сер. истории и философии», 1949, № 2.

¹⁶ E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, Berlin, 1938, стр. 32 (надпись о дэвах, § 3).

¹⁷ *Eransahr.*, стр. 204—210.

¹⁸ Шаванн (*Toung Pao*, VIII, стр. 187); А. Кисслинг (*Hunni*, PW); Герцфельд (*Sacrausae*, PW); Де Гроот (*Chinesische Urkunden*, II, стр. 10 и др.); С. Козлов (*Kharoshthi Inscr.*, ст. XXII, LVI—LVII) и др.

¹⁹ E. Minns, *Scythians and Greeks*, стр. 129.

²⁰ E. Herzfeld, *Sakastan*, стр. 28.

²¹ O. Franke, *Beiträge*, стр. 33 сл., *Festschrift f. Fr. Hirth*, стр. 117.

²² G. Haloun, *Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen Oberasien?*, 1925. Цит. по Тарну, см. след. прим.

²³ W. Tard, *The Greeks...*, стр. 297—298.

²⁴ Sieg и Siegling, *Tochar. Grammatik*, Göttingen, 1931, стр. 14 сл.

авторов — Тарн пытается решить эту контроверзу путем выдвижения сразу двух гипотез, согласно одной из которых чередование придыхательных и непридыхательных звуков в разных греческих начертаниях имени тохар (Тохаро, Тахаро, Θαυρο, Θουρα, Тахора, Тауора) объясняется закономерностями самого греческого языка, а согласно другой — тем, что в самом тохарском языке шел, между II в. до н. э. и II в. н. э., еще не закончившийся процесс отмирания аспирированных. Тарн ссылается здесь на аналогичное явление в европейских языках²⁵. С. Конов²⁶ предполагает, что имя тохаров — иранской народности, принимавшей участие в движении иранских асиев в Бактрию, оформлено согласно законам фонетики окружающих иранцев — аборигенов страны. Для решения этого вопроса важно привлечение не только греческих, но и латинских (Thocar, Tocar, Tagorae), китайских (Тухоло, древнее чтение Туюаля), санскритских (Tukhāra), тибетских (Thokar, Thogar, Thodkhar, Phodkhar), хотанско-сакских (ttagara), орхонских (toqrāsin), уйгурских (toχri ← toχari или toγari), арабских (طخیر, طخر), наконец, средневеково-тюркских (dükār, tükār) начертаний этого имени.

Сопоставление этих начертаний показывает, что во всех них мы имеем попытки далеко неадекватными графическими средствами передать нередко чуждые фонетике всех этих языков звуки тохарского языка, которые, однако, могут быть восстановлены именно путем анализа этих различных начертаний.

Беря отдельные звуки имени, мы видим в этих начертаниях чередование:

1. T, Θ, Th, tt, орх. $\hat{\text{h}}$, арабск. ط, огузск. d.
2. o, a, u, \hat{u} o, \hat{a} u, \hat{u} .
3. χ, c (k), ch, kh, k, g, орх. Δ, арабск. خ.
4. a, o oṽ, i, uā, ā, и, наконец, — отсутствие гласной.
5. R (в китайском передав емый через L).
6. o, a, ae, e, i и отсутствие гласной.

Колебания в начертании первого звука и, в особенности, орх. $\hat{\text{h}}$ и арабск. ط позволяют предполагать здесь звук, действительно близкий к фонеме, передаваемой в древнетюркском и арабском через эти знаки, т. е. очень твердое, эмфатизированное t². Второй знак позволяет с полной уверенностью видеть в архетипе дифтонг $\hat{a}u$. В третьем знаке надо искать звук, близкий к тюркскому q, но, видимо, несколько более звонкий. Четвертый звук, по видимому, иррационален, и, наконец, пятый не вызывает никаких разногласий.

В целом архетип может быть восстановлен в форме t²auq^r или t²auγ^r, по существу тождественной с наиболее, видимо, близко передающей этот архетип хотанско-сакской формой ttauγara²⁷.

Это слово доныне сохранилось в топонимике юго-восточного Приаралья в форме Даукара ~ Таукара (каракалпакское Dauqara в арабском начертании хивинско-узбекской хроники XIX в., توقره تينگیزی Таūqara tengizi — «море Таукара»²⁸) — название обширной котловины, расположенной к востоку от Тахта-Купыра и еще в XIX в. заполнявшейся водой, образуя обширное озеро. Несомненно, в античный период это озеро, принимая в себя значительную часть вод Жаны-Дарьи, достигало весьма обширных размеров и с точки зрения хорезмийцев

²⁵ W. Tarn, указ. соч., стр. 289 и экскурс 21, стр. 515.

²⁶ «Kharoshthi Inscriptions», Calcutta, 1929, стр. LX.

²⁷ Это имя встречается прямою параллелью на западе фрако-киммерийского мира в имени фракийского племени тевкров (Τευκροί, Геродот, VII, 20, 75 и др.).

²⁸ Мунис - Агахи, فرروس الاقبال, рукопись, Институт востоковедения АН СССР, стр. 571—590оа, 363а.

могло рассматриваться как пограничное со страной тохаров. Как известно, название моря по имени живущего на противоположном берегу народа — явление очень распространенное как в древности, так и в средневековье — ср. море Гирканское, Каспийское (для греков), Хазарское (для арабов), Хвалынское, т. е. Хорезмское (для русских), Русское, или Румское (Византийское) море, как имя Черного моря (для арабов), Тирренское (Этрусское) море (для греков), «Меотийское болсто» — Азовское море (для греков) и т. д.

Таким образом, имя *тохар* в его наиболее близкой к древнему произношению форме, запечатлелось до сих пор в «языке земли» юго-восточного Приаралья.

Что касается перехода $q(\gamma) \rightarrow \chi(h)$, то я склонен следовать не за Тарном, а, с оговорками, за С. Коновым и видеть здесь результат влияния сакской и бактрийской этно-лингвистической среды. В пользу этого говорит чередование, выделяемое при сопоставлении древних фрако-киммерийских этнических и географических имен на западе и востоке ареала их расселения: балканско-малоазийским формам *даки*, *тевкры*, *Тогар- (ма)*, *Балканы* — соответствуют среднеазиатские *дахи*, *тохары*, *Балханы*, причем отсутствие аспирированных в самом тохарском исключает возможность видеть здесь диалектальное чередование в пределах самой фрако-киммерийской группы. Здесь перед нами по всей видимости результат древних влияний сакской и иранской (бактрийской) речи.

* * *

Подведем итог.

Анализ древних текстов, опирающийся на данные археологической карты исследуемой территории, позволяет установить, может быть несколько неожиданный, но, нам представляется, бесспорный факт: раннесредневековая этнонимика Приаралья в общих чертах повторяет этнонимика этой области времен Птолемея и более древних. Основные племена Птолемея оказываются представленными в раннесредневековых источниках — несмотря на все этнографические бури, которые пронесли за прошедшие столетия и, казалось бы, привели к полной (и неоднократной) смене населения.